

Илья ЧЕСНОКОВ

г. Белгород

ПОДСПИЧКИ

Это было солнечным апрелем 1992 года.

После распада Советского Союза в моём родном Чимкенте только и разговоров было о том, как теперь будет жить и развиваться Казахстан. Разорванные производственные и торговые отношения между республиками и городами сразу сказались на поставках сырья, материалов и потребительских товаров.

Товарный голод надвигался быстро и беспощадно обрушивался на людей.

В ходу были ещё советские рубли и копейки. Национальную валюту, тенге, начнут печатать только через год, и то не в Казахстане, а в Великобритании и Германии. Я учился на четвёртом курсе педагогического института.

Что будет дальше после учёбы, я не имел никакого представления.

С работой было непросто.

Мой папа работал слесарем на фабрике, а мама продавцом в хлебном отделе большого продуктового магазина «Колос», который находился на проспекте имени Ленина.

Магазин располагался на первом этаже пятиэтажного жилого дома и пользовался огромной популярностью среди жильцов соседних многоэтажек.

Товарооборот в хорошие времена был в магазине огромен.

Но наступили девяностые и всё изменилось.

Об одном из случаев того времени я и хочу рассказать.

* * *

Я только вернулся из института и начал разуваться, как вдруг зазвонил телефон. В трубке зазвучал тревожный голос мамы:

– Сынок, приезжай быстрее в магазин! Здесь такое творится! А папа пришёл с работы?

Ничего толком не поняв, я ответил:

– Папа ещё не пришёл. А что случилось?

– Не спрашивай. Напиши записку папе, чтобы он срочно, не переодеваясь, ехал ко мне на работу.

– Хорошо, мама, не волнуйся. Выезжаю.

Быстро обувшись, я моментально выбежал из квартиры. Записку папе я написать забыл.

Взволнованный, я не заметил, как проехал на общественном транспорте через весь город с двумя пересадками.

И вот, выскочив из троллейбуса, я направился к магазину, туда, где был служебный вход. В этом магазине ма-

ма работала уже много лет, и поэтому я знал здесь все ходы и выходы.

Магазин имел три входа, и у той двери, которая вела в хлебный отдел, стояла раскачивающаяся толпа. Из толпы доносились крики и ругательства. От людей исходило напряжение и тревога.

Я обошёл толпу и стремительно вбежал на террасу со стороны служебного входа, где обычно грузчик принимал тележки с хлебом. Зашёл внутрь, промчался мимо раздевалки, склада и очутился в торговом зале, где находились хлебные полки.

То, что я увидел, поразило меня.

Весь торговый зал был набит людьми, толкающимися, орущими и хватающими хлеб. Были, конечно, и раньше большие очереди, но вот такого я ещё не видел. Передо мной оказалась масса спин и затылков,двигающихся в разных направлениях. Приятный аромат свежего хлеба смешивался с запахами чего-то кислого и прокуренного дыхания десятков людей.

– Мама, я здесь. Где ты? – закричал я куда-то вверх, в сторону двери.

– Сын, я за кассой! Двигайся ко мне.

И я начал двигаться. Протискиваться сквозь плотно прижатых друг к другу людей было непросто. Приходилось искать удобный момент и проныривать, продвигаясь вперёд. Мне это быстро надоело, и я прокричал:

– Дорогу! Дорогу! Свежая краска!

Люди на какое-то мгновение замерли, осматриваясь вокруг. Я воспользовался этим замешательством и пробрался к кассе.

Запахавшись, я крикнул:

– Что делать надо?

– Держи кассу! Они двигают её. И не позволяй, чтобы уходили, не заплатив за хлеб. Помогай, без тебя никак!

Раскинув руки и сдвинув угрожающе брови, я встал между кассой и толпой.

В то время использовались кассовые аппараты старой модели. Это были огромные и тяжёлые счётные агрегаты, похожие на печатные машинки, с большими клавишами, на которых были выдавлены цифры и буквы. Внизу этого аппарата находился выдвижной отдел для денег, а справа сбоку имелась ручка для движения кассовой ленты. Кассы устанавливались на тумбочках, которые крепились к столам. Продавцы-кассиры сидели на высоких стульях, принимали деньги и пробивали чеки. Вот на таком возвышении и находилась моя мама. Она тогда была старшим продавцом хлебного отдела и отвечала за весь процесс торговли от получения товара до сдачи выручки.

Рост у меня высокий, и мне было несложно наблю-

дать за движениями покупателей. Первые мои слова, обращённые к покупателям, были ещё сдержанны и даже интеллигентны:

– Товарищи, соблюдайте очереди! Не спешите! Всем хлеба хватит! Скоро привезут новую партию.

Посмотрев в сторону мамы, я увидел её, раскрасневшуюся и немного растерянную. Очень быстро она принимала деньги, отсчитывала сдачу, отрывала чеки и что-то ещё успевала говорить покупателям. А в воздухе стоял гул, похожий на грохот перекатывающихся камней горной реки.

– Мама, – крикнул я, – где Вася, рабочий? Почему он не помогает? Где он сейчас?

– Я не знаю, – долетели до меня её слова, утлая в разноязыком многоголосье, – наверное, в соседнем отделе.

Соседним отделом был винно-водочный. Мне стало душно. Я расстегнул пиджак, приподнялся на цыпочки и, приложив ладони ко рту, изо всех сил крикнул:

– Вася! Василий!

Из толпы вынырнули одновременно три мужские головы со взъерошенными волосами и приоткрытыми ртами. Они одновременно крикнули мне в ответ:

– Не!?! Что? Не болды?!

Может быть, это и были Васи, но не те. Я со злостью махнул в их сторону рукой. Головы скрылись. Сжав кулаки и сверкая глазами, я крикнул в толпу:

– А ну, прекратить орать! Выстраиваемся в очередь! Встали по одному! Заранее готовим деньги и без сдачи! Не отвлекайте продавца!

Во мне забурился сплав из агрессии и уверенности в своей правоте. И это позволило мне держаться на ногах. Я поймал благодарный взгляд мамы, и мне стало немного легче.

Вдруг я почувствовал чью-то руку на своём плече и тут же обернулся. За мной стоял, покачиваясь, Вася. Это был мужчина лет сорока-сорока пяти неопределённой национальности, в помятом комбинезоне бутылочного цвета. Седеющая и одновременно лысеющая голова его была покрыта замусоленной кепкой, давно потерявшей форму. Из его редкозубого рта изрыгались какие-то нечленораздельные звуки вперемежку с отравляющим всё живое дыханием.

– Ты пьян, что ли? – крикнул я ему в лицо.

– Нет, – ответил он, отшатнувшись от меня и ударившись затылком об угол стены. – А что, собственно, случилось? Я был в соседнем отделе, помогал разливать...расставлять бутылки. Коллеги настоятельно попросили.

Я понял, что Вася ничем сейчас нам не поможет, отвернулся от него и продолжил сдерживать людей

у кассы. Касса двигалась, как живая, словно было землетрясение в отдельно взятом магазине.

Была уже половина шестого. Люди возвращались с работы и сразу шли в магазин. В тот период уже начались перебои поставок хлеба в магазины города. Другие же продукты уже давно стали пропадать с прилавков. Хлеб оставался палочкой-выручалочкой для многих людей, которым при наступающем тотальном продуктовом дефиците нужно было принести домой хотя бы свежий хлеб.

Люди, боясь остаться без этого ценного продукта, превращались в неуправляемую толпу, забыв культуру, вежливость и элементарный порядок. Они хватили булки, поднимали их над головой, чтобы не потерять, и двигались к кассе. В их глазах читалось желание побыстрее выйти из магазина, но мимо кассы сложно было пройти незамеченным. В отдел заходили новые покупатели, брали хлеб, а выйти уже не могли, застревая в массе ожидающих своей очереди. Вот я и занялся тем, что пытался контролировать поток людей на выходе, следил, чтобы никто не ушел, не уплатив за товар.

Я повернул голову к кассе и крикнул:

– Мама, а где твоя помощница, Нурия?

– Она сейчас должна прийти на смену. Ждём машину с товаром. Она будет принимать хлеб. Привезут триста серого хлеба и двести батончиков белого.

Покупатели с тревогой осматривали торговый зал, жадными глазами сканируя хлебные полки снизу доверху и наоборот. Но, услышав о скором привозе хлеба, немного успокоились и начали выстраиваться в очередь. Мимо окон магазина проехала будка «НАН»³ и остановилась у заднего входа магазина. Одновременно с этим из приёмочного отдела выглянуло заспанное лицо Нурии. Продавщице было на вид около тридцати лет. В выражении её лица и пластике располневшей фигуры сквозило безмятежное спокойствие и равнодушие к происходящему.

Она, протерев глаза и прикрыв ладонью рот, сонным голосом ворчливо выпалила:

– Лидия Дмитриевна! Хлеб привезли! Принимать?

– Принимай, пересчитай внимательно, прими документы и распишись! – крикнула в ответ мама, не отрываясь от работы.

Я, уже немного успокоившись, сообщил тревожной толпе:

– Товарищи, привезли свежий хлеб! Подождите немного. Сейчас продавец принимает товар. Всем хлеба хватит.

Мне срочно нужно было найти Василия, и я отправился к соседнему отделу. Василий, из-за угла заметив моё появление, наклонил голову и хотел было уже скрыться в дверях.

– Василий, туру⁴! – требовательным голосом скомандовал я.

Тот резко развернулся, подошёл ко мне вплотную и, вытирая пальцами губы, проскрипел:

– Да знаю я, знаю, что машина приехала. Сейчас вот только товарищам руку пожму...

– Василий! – я грозно придвинулся к нему и схватил его за рукав.

– Всё, иду, иду.

Грустно улыбнувшись, он обернулся на закрытые двери соседнего отдела, откуда доносилось звяканье посуды, и жадно облизнулся.

Пробираясь между людьми и направляясь к складу, он закричал:

– Ну где ты там, айналайн⁵, моя Нуриечка? Где ты, стройная ты наша? Давай хлеб принимать, мать...

Приёмка хлеба началась энергично, но продолжалась она совсем недолго. Уже через несколько минут из приёмочного отдела высунулась голова Васи и, обращаясь к маме, прокричала:

– Командир, товар приняли! Сто штук хлеба и сто штук белого батона. Накладные на столе. Водила уехал в другой магазин. Когда будет новый завоз, не знает.

Услышав это, мама, чуть не плача, пригрозила ему кулаком. Хотя чему это могло помочь? Вася, конечно, видя такую напряжённую ситуацию, мог бы подойти и тихо ей это сказать, чтобы не поднимать волну тревоги. Но, находясь в приподнятом настроении, ему хотелось покуражиться и быстрее вернуться к собутыльникам. Нурия же начала неспешно раскладывать булки по полкам и поправлять ценники. Люди, не выдерживая её медлительности, начали выхватывать батончики, просунув руки сквозь полки, прямо из её рук.

Услышав о недопоставке хлеба, толпа с новой силой взорвалась: «Нан жок⁶!», «Хлеба не хватит!», «Нас обманули!», «Припрятали хлеб себе!», «Будем жаловаться!», «Чёрствый привезли!» Я понял: всё, что было до этого – только цветочки. В воздухе над головами летали искорки народного бунта. Ко мне присоединился Василий, почему-то быстро отрезвевший. Я поставил его в проходе, а сам направился к кассе на помощь маме. Пробираясь сквозь толпу, я услышал за спиной голос отца:

– Сынок! Куда мне идти? Я ничего не вижу.

– Папа, иди к проходу, к Васе. Держите оборону!

Отец, уставший после смены, натянув на брови кожаную фуражку, обрёл второе дыхание и рванул в толпу:

– А ну посторонись! Зашибу!

Обладая мощным голосом, он мог перекричать кого угодно. У него был сильный тенор. Папа много лет выступал в фабричной художественной са-

моделятельности, был запевалой мужского хора из сорока человек вместе с другим вокалистом по фамилии Соловей.

Понимая, что его слова тонут камнями в бурлящем море звуковой какофонии, он мгновенно перешёл на пятиэтажный нестандартный лексикон как на русском, так и на казахском языке. Услышав до боли знакомые выражения, народ немного поостыл, всматриваясь в небритого мужчину, рвущегося в проход.

Папа, доплыв до Василия, вцепился в него как в родного. И они, схватив друг друга за руки, обрадовали живую цепь, качающуюся в волнах человеческой нервозности. Я увидел эту картину и, желая приободрить отца, крикнул ему:

– Так держать, Владимир Ильич!

Папа успел мне кивнуть, не выпуская рук грузчика Василия, как вдруг из центра толпы раздаётся чей-то визгливый крик:

– Бабке плохо!

Я приподнялся и разглядел, как в центре зала образовалась воронка из согнувшихся спин. Люди сочувственно зацокали языками, выкрикивая советы, как спасти старушку. Её подхватили под руки, оттащили подальше из гуши событий к окну и прислонили спиной к батарее.

Когда ей стало лучше, она прижала к груди свежий хлеб, откусила кусочек и, озираясь по сторонам и шмыгая носом, начала энергично шамкать его во рту. Пока всё внимание было приковано к спасению старушки, подросток лет пятнадцати неожиданно оказался около кассы. Это был невысокий паренёк с растрёпанными волосами и в распахнутой рубашке. В его узких азиатских глазах был заметен огонёк азарта и голод. Он прикрыл батон рубашкой и, стараясь незаметно продвигаться мимо кассы, вдруг резко рванулся и устремился к выходу. Я успел это заметить и крикнул отцу:

– Папа, держи пацана!

Отец быстро среагировал и выставил вперёд ногу. Но воришка, видать, ожидал этого и перепрыгнул через неё. Буквально на мгновение он оглянулся назад, чтобы показать отцу язык. А зря он это сделал. Парень не успел заметить, как из соседнего, винно-водочного, отдела выехала тележка, доверху гружённая ящиками с водкой. Беглец на полной скорости наскочил на тележку, перелетел через неё и пролетел мимо мясо-молочного и галантерейного отделов и влетел прямо в зевающую пасть случайно забежавшей собаки. Пёс, не растерявшись, мотнул головой и выбежал из магазина, пугая прохожих, но радуя ожидавших его четвероногих друзей. Несколько бутылок водки «Пшеничная» вдребезги разлете-

лись по сторонам длинного коридора магазина. Такой дезинфекции помещения в этом магазине ещё никогда не было. На мгновение все покупатели затихли. Как зрители в театре. Я воспользовался этими секундами тишины и спокойно проговорил:

– Товарищи, соблюдайте порядок! Не проходите мимо кассы, не оплатив товар!

По мере того как постепенно заканчивался хлеб на полках, у мамы в кассе заканчивалась мелочь. Окидывая взглядом весь торговый зал, она, приподнявшись со стула, обратилась ко всем покупателям:

– Товарищи! Мелочи для сдачи нет. Готовьте, пожалуйста, деньги под расчёт. Соблюдайте порядок и тишину.

Люди тут же углубились в свои карманы, кошельки и сумочки. Раскрылись ладони, и насупились брови. Люди начали считать и пересчитывать. Кто-то радостно уже зажимал в руке подготовленную сумму, а кто-то растерянно шарил по карманам в надежде найти недостающую копеечку.

В очереди было много жильцов пятиэтажки, в которой был расположен магазин. Люди, живущие по соседству на одной площадке много лет, наконец-то встретились. Послышались вежливые слова, и засверкали улыбки. Они перезанимали друг у друга мелочь, обещая сегодня же вечером отдать долг. Но некоторые были в полной растерянности, и в таком состоянии их толпа подносила к кассе.

У кассы, обняв два батона правой рукой, оказалась высокая женщина мощного телосложения. На голове у неё красовалась высокая причёска, из которой торчали заколки. Вытаращив глаза на продавца, она протянула мятую купюру вперёд и пробасила:

– Вот мои деньги за товар. Дайте мне сдачу копейка в копейку.

– А помельче у вас нет? – на всякий случай спросила продавец.

– Нет! – язвительно выдавила женщина. – Вы должны иметь мелочь для сдачи, чтобы рассчитаться с покупателем!

– Мелочи было много, но вы ведь видите, что происходит. Люди дают только крупные деньги, и вся мелочь закончилась. Могу вместо мелочи дать, например, спички из расчёта, что коробка спичек – это рубль. Возьмёте сдачу спичками?

Поддавливаемая толпой то справа, то слева, женщина была похожа на пароход, качающийся на волнах у причала. Люди, окружившие её со всех сторон, стали возмущаться:

– Да отдайте же вы ей эту сдачу! Что она очередь задерживает! Хоть спичками, хоть птичками, хоть чем!

Продавец, почувствовав, что волнение опять нарастает, крикнула в толпу:

– Кто готов сдачу взять спичками вместо денег, встаньте к кассе, а те, кто хочет получить сдачу деньгами, отойдите в сторону и ждите, когда мелочь появится.

– Почему я должна ждать, – протрубил качающийся пароход, – я и так проторчала в вашей очереди полчаса! Вы обязаны обслужить меня как полагается. Я буду жаловаться!

На «пароход» с боков наседали мелкие судёнышки, выдавливая его в сторону. К кассе потянулись руки с честно заработанными, то сложенными вчетверо, то свёрнутыми в трубочку, а то и просто смятыми деньгами.

Сверив запасы спичек, лежащие у неё под столом, мама обратилась ко всем:

– Товарищи, учитывая сложившееся положение, буду выдавать вместо двух копеек одну спичку, а вместо рубля одну коробку спичек. Иначе не получается!

В те дни в торговле были перебои почти на всё. И на спички тоже. Проблемы были уже и с зубной пастой, и с туалетной бумагой. Всего и не перечислишь. Покупатели осознали и то, что другого выхода нет, и то, что продавец как-то всё-таки пытается решить сложившуюся проблему.

Мама кивнула мне головой, указывая под стол. Я понял, что там лежали коробки спичек. Подошёл, достал коробки и начал подавать их ей в раскрытом виде.

Теперь всё перемешалось: и бумажные деньги, и монеты, и коробки, и вынутые спички, и чеки. Всё это летало, мелькало, шелестело, стучалось, щёлкало. Кассовый аппарат, словно живое существо, гудел и скрежетал. Клавиши лязгали, как зубы, деньги пропадали в его бездонной утробе. Чековая лента со стрекочущим звуком безостановочно вылетала из узенькой щели. А мама, как укротительница, нависала над кассовым аппаратом, тыкала в него пальцами, требуя подчинения. Мне показалось, что она разговаривала с ним, нежно похлопывая по корпусу. Я же был похож на солдата, подающего из окопа снаряды наверх.

Людской поток ускорил движение. Люди хватали спички, кидая их в ту же сумку, куда и хлеб. С видом победителей они вырывались из объятий толпы и устремлялись к выходу.

Я, папа и Василий могли немного отдохнуть. Но всё же в этой суматохе раздавались недовольные голоса: «Обманули!», «Обсчитали!», «Недодали!»

Отдохнув у подоконника и набравшись сил, старушка постепенно продвинулась к кассе. Продолжая жевать корочку, она внимательно пересчитала сдачу. Зажав в сухощавой ладонке монеты и

подняв на маму небесной голубизны глаза, старушка плачущим голосом произнесла:

– Что же ты, дочка, меня обманываешь! Я всё просчитала. Ты мне должна вернуть три копейки, а даёшь только одну спичку. А где ещё одна?

– Бабушка, – ответила мама, – возьмите ещё одну спичку и не задерживайте людей.

– Нет уж, дорогая моя. Мне чужого не надо! Я за правду стою, за честность! Ломай спичку пополам и отдай мне половину!

– А зачем вам половина спички? – улыбаясь, спросила мама.

– Из принципа, доченька! Из принципа! Ломай, говорю, и дело с концом.

Люди, стоящие рядом, подняли гул, который можно было понять как одобрение честности и принципиальности бабушки.

За старушкой горой возвышался мужчина. Он был одет в чёрный костюм и белую рубашку, на которой красовался галстук в горошек. В руке он держал пухлый коричневый портфель, застёгнутый двумя широкими ремнями. На его голову была натянута до самых бровей фетровая шляпа. По его щекам и подбородку катился пот, огибая рельеф ещё не состарившегося лица. Мужчина достал платок, вытер пот, кашлянул и, чётко выговаривая, произнёс:

– Позвольте, позвольте! Мне тоже нужна будет сдача в три копейки. И что же, извольте мне ответить, я получу? Полторы спички?

– Другого выхода нет, товарищ. Я разломаю спичку пополам и каждому дам по полторы спички, если вам так угодно, – ответила мама, едва сдерживая улыбку.

Из толпы подал голос Вася:

– Мужик! Ты что копаешься? Тебе полторашку и старухе полторашку. И все довольны! Двигай корпусом на выход. Как Днепрогэс перегородил здесь народный поток. Дышать уже нечем.

Старушка, быстро сообразив, что к чему, протянула руки к продавщице и протараторила:

– Давай, дочка, быстрее спички мои. Но мне половинку спички с головкой. Мне с головкой, так как я раньше его подошла.

Мама поломала спичку и протянула ей одну целую и половинку с головкой. Старушка быстро засунула спички в карман кофты, надгрызенную булку кинула в сумку и, прихрамывая, засеменяла вперёд.

Мужчина, зажав свою огромную ладонь со спичками, округлил глаза и завизжал фальцетом:

– Это что же получается? Меня обставили? Это старухе с головкой, а мне без головки? Я требую справедливости и уважения к покупателю!

Мужчина, надувая щёки, взметнул вверх руки и затряс ими. Портфель навис над людьми, как то-

пор палача. Шляпа с головой затряслись от возмущения. Мужчина стал похож на горную вершину при землетрясении.

– Я найду на вас управу, – загрохотала вершина, не упуская из виду удаляющуюся старушку.

Вася, держась за живот от смеха, прыснул:

– Мужик, ты сперва со своей головкой разберись. Каждому по головке не получится! Тебе достался холостой патрон! Старуха, ковыляя быстрее, а то эта гора тебя сейчас раздавит!

Весь хлебный отдел взорвался от хохота. Мужчина, расстегнув пиджак, пустился вдогонку за старушкой:

– Товарищ бабушка! Бабуля! Остановитесь! Давайте найдём компромисс. Я хочу вам предложить...

Что хотела предложить эта горная вершина в шляпе пожилой женщине, мы так и не узнали. Да было уже и не до этого. Потому что Нурия, высушившись из-за занавески и поправляя причёску, рывкнула на весь зал:

– Машина приехала! Хлеб привезли!

И все, находящиеся в зале, разом грохнули: «Ура!», «Победа!» Все начали жать друг другу руки и обниматься. Нервное напряжение мигом спало. Вася обнял моего отца и начал его целовать, вытирая слёзы.

Мама, защёлкнув кассу, сказала:

– Нурия, садись за кассу. Я сама хлеб приму.

Устало облокотившись на стол, она выдохнула:

– Выручка сегодня будет что надо!

Мы с папой быстро направились к запасному выходу помогать маме и Василию в выгрузке дол-

гожданного хлеба. И только тут я вспомнил о записке, которую должен был написать папе.

– Пап, а как ты узнал, что нужно срочно ехать сюда на помощь?

– А мне позвонил мой товарищ по хору, Соловей. Он в этом доме живёт. Он зашёл за хлебом и увидел то, что здесь творится. Ну, и сразу позвонил нам домой. Хорошо, что меня не перевели сегодня на вторую смену.

Мы закончили с выгрузкой, подождали, когда мама переоденется, и отправились все вместе домой. Горячая смена закончилась. Но завтра всё это могло опять повториться. И уже в троллейбусе, как бы очнувшись, я спросил:

– Мама, а ты домой-то хлеб взяла?

Ответом была нежная и усталая улыбка.

Примечания (перевод с казахского языка)

- 1 Что?
- 2 В чём дело?
- 3 ХЛЕБ.
- 4 Стоять!
- 5 Дорогая.
- 6 Нет.

□

Илья Владимирович ЧЕШОКОВ

родился в г. Чимкенте в Казахстане.

В 2000 году переехал с семьёй в Россию, в г. Белгород.

Публиковался в местной периодической печати.

Стал призёром конкурса «Крылья Победы»

как автор стихотворений на тему Великой Победы.

Публиковался в журналах «Ротонда» (г. Киров), «Молоко»,

альманахе «Земляки» (Нижегород).

Пишет стихотворения, басни, афоризмы, миниатюры и рассказы.

Публикации в юбилейном коллективном сборнике

«Серебряный браслет» студии «Младость».

Работает преподавателем общественных наук

в ОГАПОУ «Белгородский педагогический колледж».

Женат, имеет двух сыновей.

В журнале «Север» публикуется впервые.

